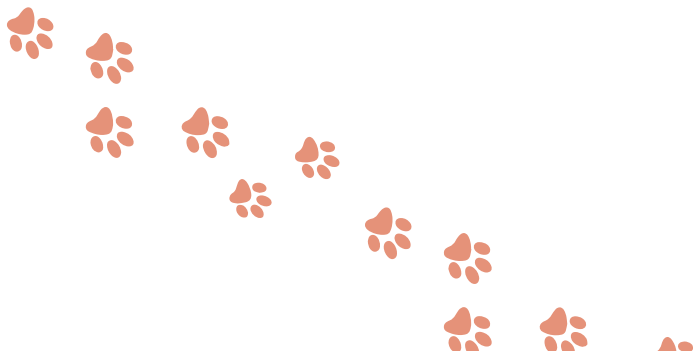

*Моей дочке Паоле
и всем детям на свете*

Дорогие ребята!

огромной радостью шлю вам привет и хочу предложить вашему вниманию моего Джельсомино и его приключения в Стране Лгунов.

Когда я писал эту книгу, то, конечно, думал о будущих читателях, и не только об итальянских ребятах, но о детях всех стран, в том числе и о вас.

Сколько раз я останавливался и спрашивал себя: «А понравится ли эта страница русским детям? Будут ли они смеяться вот тут?»

Но я почти уверен, что Джельсомино придётся вам по душе.

Надеюсь, понравятся и его друзья — нарисованный котёнок Цоппино, художник Бананито, девочка Ромолетта, тётушка Панноккья и старьёвщик Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту.

А о врагах Джельсомино узнаете из самой сказки.

Лучше расскажу вам сейчас, почему мне захотелось написать эту историю.

Потому что, на мой взгляд, самые опасные враги человечества — лжецы.

На свете их сотни, тысячи.

Не желая никого обидеть, думаю, что они водятся в любой части света.

В каждой стране были и есть свои лгуны и лжецы, и очень хорошо, если там сумеют избавиться от них.

И сделать это помогает правда.

Я очень верю в силу правды.

Она похожа на громкий голос певца — такой сильный, что от него дрожат оконные стёкла.

Вот мне и захотелось написать сказку о правде.

Я сочинил её очень легко — она сама пришла мне в голову и так стремительно потянула за собой, что я еле успевал записывать.

И не говорите, что в сказках слишком много вымысла.

Как раз благодаря ему с помощью сказок и можно говорить правду.

Ведь Пушкин прекрасно знал, что на свете не бывает золотых рыбок, к тому же говорящих человеческим языком.

А сколько правды в этой его сказке!

Надо сказать, что Пушкин — это гигант, по сравнению с которым все мы выглядим цыплятами.

Его голос звучал, словно гром, а мой едва слышен в моём курятнике.

Но ведь и каждый цыплёнок может в меру своих сил говорить правду!

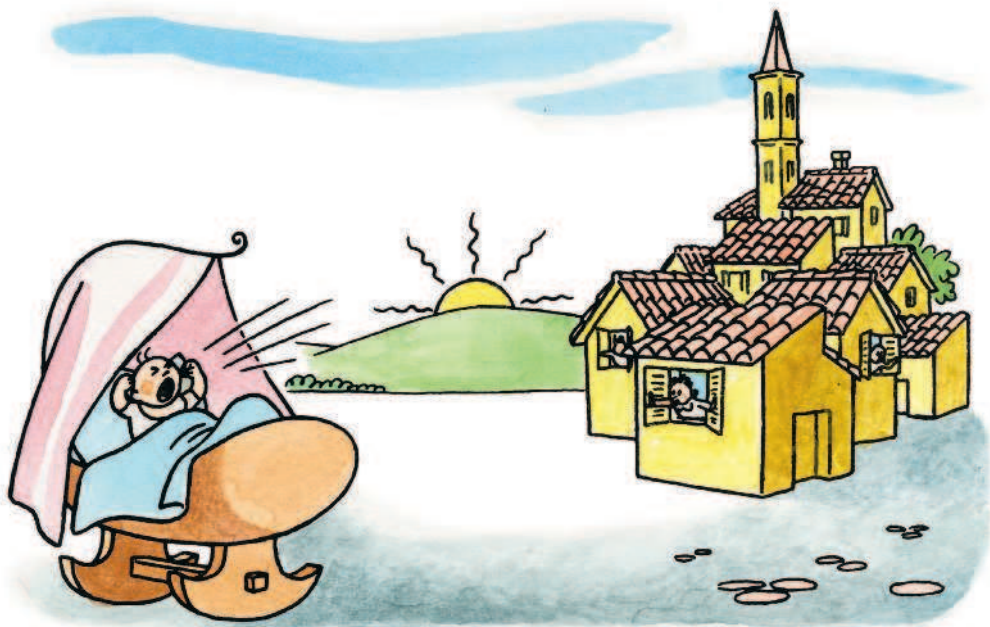
Я глубоко верю в хорошие сказки, которые говорят правду, верю, что они помогают сокрушить ложь.

И мечтаю написать по-настоящему хорошую сказку — хорошую от первого слова до последнего, и обязательно правдивую.

Мечтаю так же горячо, как инженер, который хочет построить хорошую электростанцию, как столяр, который задумал сделать крепкий стол, что простоят на своих ножках двести лет и не покосится.

Джанни Родари

ГЛАВА 1,

В КОТОРОЙ ДЖЕЛЬСОМИНО ЗАБИВАЕТ ГОЛ,
А ПОТОМ НАЧИНАЕТСЯ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ

Сам Джельсомино поведал мне эту историю, и я чуть не оглох, пока дослушал её до конца, хотя и заткнул себе уши ватой.

Дело в том, что голос у него такой оглушительный, что даже когда он говорит шёпотом, его слышат пассажиры реактивных самолётов, летящих на высоте десять тысяч метров над уровнем моря.

Сейчас он знаменитый певец.

Его знают повсюду — от Северного полюса до Южного!

Теперь у него такое громкое и пышное имя, что даже не стану упоминать его здесь, потому что все, конечно, сто раз встречали его в газетах.

А в детстве его звали Джельсомино. Пусть же под этим именем он и действует в нашей истории.

Так вот, едва он появился на свет, как всем стало ясно, что это необычный мальчик, потому что природа наделила его удивительным, совершенно необыкновенным голосом.

Родился он в глухую ночную пору, и люди тотчас повскакали с постелей, вообразив, что слышат гудки, зовущие на работу.

Но это оказался всего-навсего крик Джельсомино, который пробовал голос, как это делают все только что появившиеся на свет дети.

К счастью, он быстро научился спать с вечера до утра, как и подобает всем порядочным людям, кроме газетных репортёров и ночных сторожей.

Он начинал кричать ровно в семь часов утра, как раз в ту минуту, когда пора вставать и идти на работу.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошёл в школу.

Учитель начал перекличку и, дойдя до буквы «Д», произнёс:

— Джельсомино!

— Здесь! — радостно ответил новичок.

И тут раздался грохот — классная доска разлетелась на куски, превратившись в груды обломков.

— Кто сломал доску? — потребовал ответа учитель.

Все молчали.

— Что ж, повторим перекличку, — сказал учитель и начал с буквы «А».

— Это ты бросил камень в доску? — спрашивал он каждого ученика.

— Не я... Не я... — испуганно отвечали ребята.

Когда учитель опять дошёл до буквы «Д», мальчик встал и тоже вполне искренне ответил:

— Не я, синьор...

Он не успел произнести слово «учитель», как вдребезги разлетелись оконные стёкла.

На этот раз учитель внимательно следил за классом и мог поручиться, что ни у кого из сорока учеников не видел в руках рогатки.

«Наверное, напроказил кто-нибудь на улице, — решил он, — из тех сорванцов, что вместо занятий гуляют по окрестностям с рогаткой и разоряют птичьи гнёзда. Вот поймаю его и отведу за ухо в полицию».

В то утро всё на том и закончилось.

На другой день учитель, начав переключку, снова вызвал Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой и гордо осмотрелся, в восторге от того, что он опять в школе.

«Трах-тарарах-дзинь-дзинь-дзинь!» — сразу же ответило ему окно.

Стёкла, которые только что вставил служитель, посыпались во двор.

— Странное дело, — заметил учитель, — стоит дойти до твоего имени, как начинаются несчастья... Впрочем, я понял, дорогой, в чём дело! У тебя чересчур громкий голос! Когда кричишь, поднимается сильнейший ветер, прямо-таки ураган. Так что, если не хочешь разорить школу, тебе придётся отныне говорить только шёпотом. Понятно?

Мальчик покраснел от смущения и всё же возразил:

— Но, синьор учитель, это же не я!

«Трах-тарарах!» — отозвалась новая классная доска, которую недавно принёс школьный сторож.

— А вот и доказательство! — вздохнул учитель.

Но, увидев крупные слёзы в глазах Джельсомино, он подошёл к нему и ласково погладил по голове:

— Послушай меня хорошенько, сынок. Твой голос может принести тебе либо множество бед, либо великую радость. А пока старайся как можно реже пользоваться им. За хорошее молчание ещё никого не бранили. Всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото!

С этого дня жизнь Джельсомино превратилась в сплошные мучения.

В школе, чтобы не натворить новых бед, он сидел, зажав рот платком.

Но всё равно его голос звучал так оглушительно, что школьники крепко прижимали уши ладонями.

Учитель старался вызывать его как можно реже.

Впрочем, учился мальчик отменно, и учитель не сомневался, что все уроки он знает наизусть.

Ну а дома после того, как, рассказывая о своих школьных подвигах, Джельсомино разбил несколько стаканов, ему тоже строго-настрога запретили открывать рот.

Чтобы отвести душу, он уходил куда-нибудь подальше от села — в лес, в поле или на озеро и там, убедившись, что он один и поблизости нет застеклённых окон, опускался на траву и начинал петь.

В ту же минуту земля словно оживала: кроты, муравьи, гусеницы — в общем, все живущие в земле звери и насекомые разбежались кто куда, решив, что началось землетрясение.

Только один-единственный раз Джельсомино позабыл про осторожность.

Дело было в воскресенье, когда на стадионе шла решающая футбольная встреча.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но игра мало-помалу захватила и его.

И вот настал момент, когда местная команда, подгоняемая неистовыми криками своих болельщиков, бросилась в атаку.

Замечу в скобках: сам-то я не очень понимаю, что это такое — «броситься в атаку», — потому что плохо разбираюсь в футболе, и пересказываю всё это со слов Джельсомино. Но если вы читаете спортивные газеты, то уж, конечно, догадались, о чём речь.

— Давай! Давай! — орали болельщики.

— Давай! — во весь голос закричал и Джельсомино.

И как раз в этот момент правый крайний послал мяч центральному нападающему.

Но мяч, взлетев у всех на глазах высоко вверх, вдруг повернул в сторону и, гонимый какой-то неведомой силой, пронёсся мимо самого носа вратаря прямо в ворота противника.

— Гол! — взорвались трибуны.

— Вот это удар! — вскричал кто-то из болельщиков. — Видели, как точно он рассчитал? До миллиметра! Да у этого парня золотые ноги!

Но Джельсомино, придя в себя, понял, что допустил оплошность.

«Так и есть, — подумал он, — я забил этот гол своим голосом. Нужно быть осторожнее, а то спорту придёт конец. И надо, пожалуй, восстановить справедливость, — забью-ка я гол и в другие ворота! Тогда всё встанет на свои места!»

Во втором тайме вскоре представился подходящий момент.

Когда команда противника перешла в наступление, Джельсомино опять закричал: «Давай!» и на этот раз загнал мяч в ворота собственной команды.

Можете себе представить, как обливалось кровью его сердце!

Даже спустя много лет, рассказывая об этом, Джельсомино сокрушался!

— Я бы дал отрубить себе палец, — сказал он, — лишь бы не забивать этого гола. Но не забить его я не мог. Иначе было бы несправедливо.

— А ведь на твоём месте кто угодно подыграл бы своей любимой команде, — заметил я.

Кто угодно, но только не Джельсомино!

Он был честен и правдив, как прозрачная родниковая вода.

Таким он и рос и скоро из мальчика стал юношей.

Правда, роста он был скорее низкого, чем высокого, а сложения скорее щуплого, чем крепкого. Так что имя его — Джельсомино, что означает «маленький жасмин», очень подходило ему.

Теперь, когда подрос и окончил школу, он стал трудиться в своём саду и огороде. Наверное, так и прожил бы всю жизнь и мне не пришлось бы рассказывать вам о нём, не попади он в одну неприятную историю, о которой сейчас узнаете.

ГЛАВА 2,

ИЗ КОТОРОЙ ПОЙМЁТЕ, ЧТО ЕСЛИ ОТ ВАШЕГО ГОЛОСА
ПАДАЮТ ГРУШИ, ТО ЛУЧШЕ СКРЫВАТЬ ЭТО ОТ СОСЕДЕЙ

Вышел Джельсомино как-то утром в сад и увидел, что груши уже спели.

Ведь груши — они такие: никому ни гугу, а сами зреют да спеют.

И в одно прекрасное утро вы вдруг обнаруживаете, что они совсем уже спели и пора снимать их.

«Жаль, что не захватил лестницу, — подумал Джельсомино. — Придётся вернуться за нею в дом, заодно возьму и жердь, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но тут ему пришла в голову озорная мысль.

«А что, если попробовать голосом?» — подумал он.

Встал под грушевым деревом и не то в шутку, не то всерьёз приказал:

— А ну-ка, груши, падайте на землю!

«Пата-пум, пата-пум!» — ответили ему груши и дождём посыпались вниз.

Джельсомино подошёл к другому дереву и проделал то же самое.

И каждый раз, когда он кричал: «Падайте!», груши, словно только и ждали его команды, срывались с веток и шлёпались на землю.

Джельсомино удивился.

«Я не затратил на это никакого труда, — подумал он. — Жаль, раньше не догадался, что голос может заменить и жердь, и лестницу!»

Крестьянин, что работал на соседнем огороде, видел, как Джельсомино собирает груши. Он протёр глаза, ущипнул себя за нос и, когда окончательно убедился, что не спит, со всех ног побежал за своей женой.

— Ты только посмотри на него! — заговорил он, дрожа от страха. — Я думаю, наш сосед — злой колдун!

Жена взглянула на Джельсомино и, конечно, возразила:

— Да нет же! Это добрый волшебник!

— А я говорю — колдун!

— А я тебе говорю — волшебник!

До сих пор муж с женой жили довольно мирно.

Теперь же он схватился за лопату, она — за мотыгу, и оба приготовились защищать своё мнение с оружием в руках.

Но тут крестьянин предложил:

— А давай позовём соседей! Пусть тоже посмотрят. И послушаем, что скажут!

Эта мысль понравилась женщине: ведь, созвав соседей, можно поболтать с кумушками, и она бросила мотыгу.

Ещё до наступления вечера всё село узнало о случившемся.

Суждения разделились: одни утверждали, что Джельсомино — добрый волшебник, другие — будто злой колдун.

Споры разгорались и росли, словно волны на море, когда поднимается сильный ветер — мистраль.

Вспыхнули и ссоры, и кое-кто даже пострадал. К счастью, легко.

Так, например, один крестьянин обжёгся трубкой, когда в пылу спора сунул её в рот не тем концом.

Полицейские не могли решить, кто прав, кто виноват, и поэтому никого не арестовывали, а только переходили от одной группы к другой и просили всех разойтись.

Самые упрямые спорщики направились к саду Джельсомино.

Одни хотели подхватить там что-нибудь на память, потому что посчитали его землю волшебной.

Другие шли, чтобы разрушить дом Джельсомино, потому что сочли его заколдованным.

А он, увидев толпу, решил, что вспыхнул пожар, и вынес ведро с водой, собираясь тушить огонь.

Когда люди столпились у его сада, он услышал, что говорят о нём соседи.

— Вот он, вот он! Добрый волшебник!

— Да какой там волшебник! Злой колдун! Видите, у него в руках заколдованное ведро!

— Давайте отойдём подальше! Ещё плеснёт на нас этой штукой — пропадём ни за грош!

— Какой штукой?

— Вы что, ослепли! У него же смола в ведре! Прямохонько из ада! Попадёт на кожу хоть капля, насквозь прожжёт. И ни один врач потом не залечит!

— Да нет, это волшебник! Добрый волшебник!

— Мы же видели, Джельсомино, — обратились к нему соседи, — как ты приказывал грушам зреть, и они зрели, приказывал падать, и они падали...

— Да что вы придумали? — удивился мальчик. — Это же всё из-за моего голоса! Он поднимает сильный ветер, как в бурю...

— Да, да, видим! — закричала какая-то женщина. — Видим, как творишь чудеса своим голосом...

— Какие там чудеса! Это же колдовство! — возразила другая.

Джельсомино в сердцах отбросил ведро и ушёл в дом.

«Ну вот и кончилась спокойная жизнь, — подумал он. — Теперь не смогу и шагу сделать, так и станут ходить за мной следом. По вечерам только и разговоров будет, что обо мне. Моим именем начнут пугать непослушных ребятишек. Нет, лучше, пожалуй, уйти куда-нибудь отсюда. Да и что мне делать в этом селе? Мать с отцом умерли, друзья разъехались. Пойду-ка я по свету да попробую добыть счастье своим голосом. Говорят, есть люди, которым даже платят за их пение. Это очень странно — получать деньги за то, что доставляет тебе удовольствие, но ведь платят. Кто знает, может, и удастся стать певцом?»

Решив так, он сложил свои скудные пожитки в заплечный мешок и вышел за калитку.

Толпа зашумела и расступилась перед ним.

Джельсомино, ни на кого не взглянув, молча направился по дороге.

Но отойдя подальше, обернулся, желая в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа всё ещё не расходилась.

Люди указывали на него пальцем, словно на привидение.

«Подшучу-ка я над ними на прощанье!» — подумал наш герой и, вдохнув поглубже, закричал во всё горло:

— Прощайте!

В ту же минуту сильный порыв ветра сорвал у людей шапки с голов, а у кое-кого из старушек — парики, и они бросились ловить их, прикрывая руками свои голые, как яичко, головы.

— Прощайте-е! Прощайте-е! — снова крикнул Джельсомино и от души посмеялся над первой в своей жизни озорной проделкой.

От его голоса шапки и парики взлетели, словно стайка перелётных птиц, до самых облаков и вскоре скрылись из виду.

Потом стало известно, что они улетели за много километров, а некоторые приземлились даже за границей.

Через несколько дней Джельсомино тоже пересёк границу и оказался в самой необыкновенной стране, какая только может быть на свете.

ГЛАВА 3,

из которой узнаете, откуда появился Цоппино

Серебряная монета — большая и блестящая — вот первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну.

Она лежала на мостовой, возле тротуара, на самом виду.

«Странно, что никто не подобрал её, — подумал Джельсомино. — Я-то уж, разумеется, не пройду мимо. Деньги закончились ещё вчера, а сегодня у меня во рту и маковой росинки не было. Но сначала надо узнать, не потерял ли кто-нибудь эту денежку».

Он подошёл к кучке людей, которые о чём-то переговаривались, посматривая на него, и показал им свою находку.

— Может, кто-нибудь из вас, синьоры, потерял эту монету? — спросил он шёпотом, чтобы не напугать своим голосом.

